ПОЛА ГАРНЕТ

Герой туманной долины

WATTPAD. Топ на русском

Пола Гарнет

Герой туманной долины

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гарнет П.

Герой туманной долины / П. Гарнет — «Издательство АСТ», 2023 — (WATTPAD. Топ на русском)

ISBN 978-5-17-155657-0

Шеннон Паркс – неудавшийся писатель и робкий журналист, наделенный необычным даром: прикасаясь к людям, он видит их мечты и то, к чему эти мечты приводят. За шестнадцать лет он понял, что это не только дар, но и проклятие, ведь любое прикосновение приносит боль. Шеннон старается избегать людей, но об одном втайне грезит – вновь увидеть девушку, чья мечта отличается от прочих.

УДК 821.161.1-312.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155657-0

© Гарнет П., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Отправная точка 8
Часть 1 10
Глава 1 10
Глава 2 16
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 33
Глава 6 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Пола Гарнет
Герой туманной долины

Всем актерам и актрисам, всем писателям и писательницам. Живите, творите, чувствуйте. Вы – чистое искусство!

Copyright © Пола Гарнет, 2023
© Ефимова Д., иллюстрация на обложке
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Плейлист

Hugging You – Tom Rosenthal
Lençóis (Love Me) – Ry X
Alcatraz – Oliver Riot
Unconditional – Matt Maeson
Killer – Wrongonyou
Shelter – Dermot Kennedy
Red Arrow – Gem Club
7 & the Fall – JESSE MARCHANT
A Long Way – Josh Garrels
Love Like Ours – Aron Wright
Falling for You – BoyWithUke
Shiny Happy People – Reuben And The Dark, AG
Next to You – John Vincent III
Home – Edith Whiskers
The Sea – HAEVN
Roslyn – Ben Pellow
Holocene – Bon Iver
Missing Piece – Vance Joy

Отправная точка

Я видел – двое юных и цветущих
Стояли рядом на холме зеленом,
Округлом и отлогом, словно мыс…
Их было двое, девушка смотрела
На вид, такой же, как она, прелестный,
А юноша смотрел лишь на нее…
Стал взрослым юноша и средь пустынь
На юге пламенном нашел приют.
Он впитывал душой свет яркий солнца,
Вокруг все было странно, и он сам
Другим стал, не таким, как был когда-то…

Лорд Д. Г. Байрон[1]

Это началось в Стамбуле, когда мне было девять лет.

Мама повезла меня в любимый город любимой страны есть восточные сладости и по вечерам смывать с бровей соль Босфора.

Люди, которые говорили на другом языке и смотрели на меня как на чужака, казались мне недружелюбными недолго: спустя два дня, съев пару тарелок жареных кефте с запеченными баклажанами, сделав втайне глоток турецкой водки ракы, я ощутил вкус настоящего восточного города. Тогда и шумный рынок перестал казаться грязным и мерзким, почувствовался в воздухе манящий запах горячей кукурузы, люди стали видеться улыбающимися, а не скалящимися, а душный воздух уже не обжигал легкие. Сытные сырные лепешки, прохладные буйные воды Босфора, разноцветные домики и свист рынка – все вокруг казалось сказкой.

Сказка продлилась недолго – жизнь дала то, что никто не мог предвидеть: ни мама, ни оставивший нас когда-то отец, ни дядя Хасан, который поил меня сладким чаем в кафе под нашей квартиркой, ни я сам.

Тогда я перестал видеть хоть что-то светлое.

Помню, как тогда мечтал стать кем-то особым и чего-то особого достичь, не подозревая, что мои желания некто свыше поймет по-своему.

Первой была официантка, которая помогла мне поймать ложку. Я выронил ее из-за резкой головной боли, но девушка успела ее перехватить и вложить обратно мне в руку.

В момент, когда ее пальцы прикоснулись к моим, *это* началось.

Мне говорили, что в Антарктиде холодно. Наверное, в мгновение, когда загорелые женские руки дотронулись до моих, ставших почти такими же темными под палящим солнцем Стамбула, до меня долетел северный ветер, потому что такого жуткого мороза я не чувствовал никогда.

Всего один миг, и холод покрыл мое тело невидимой корочкой. Миг, и я увидел ее.

Танцующая на большой сцене, высоко над зрителями, которые восхищенно смотрят, как она кружит в свете софитов на блестящей площадке. Она была знаменитой, окруженной любовью, цветами и поклонниками. Была желанной и счастливой, как всегда хотела.

Картинки сменялись одна за другой, а я с ужасом наблюдал и никак не мог понять, откуда они берутся и зачем они мне нужны.

---

[1] Лорд Д. Г. Байрон «Сон».

А потом я испугался. Испугался, потому что она, та самая, очаровывающая сердца, сидела в тесной обшарпанной квартире, размазывая по щекам слезы, одной рукой сжимая полупустую бутылку, другой поглаживая ногу в растянутых шортах, которую изуродовал кривой красный шрам.

Ложка вернулась в мою руку, мама пробурчала недовольное «спасибо», с упреком взглянула на меня и продолжила есть долму.

А я заревел. Заревел в голос, выскочил из-за стола и бросился наутек, игнорируя окрики матери.

В тот день мне, наверное, следовало сказать официантке, чтобы она бросила танцы, никогда не выходила на большую сцену, избегала жаждущих ее провала недоброжелателей и больше всего на свете берегла свои ноги, ведь я видел – ее мечта обернулась трагедией. Талант порождает зависть, а зависть толкает людей на жестокие поступки.

Но я не сказал. Я выбежал, окликаемый разозленной мамой, из кафе с комом во рту и теплой долмой в желудке, которая отчаянно просилась наружу.

Тогда мне было девять. Тогда я ничего не понимал.

Сейчас мне двадцать пять, я стал понимать больше, но одно осталось неизменным: я все так же не знаю, почему мне досталась эта необыкновенная способность, ставшая проклятьем. Я не знаю, почему вижу, куда приводят людей их мечты.

Тогда мне было девять. Тогда мне не сильно везло.

Сейчас мне двадцать пять, а везти стало еще меньше: уже шестнадцать лет, прикасаясь к людям, я понимаю одну и ту же вещь – некоторые мечты никогда не сбудутся и должны оставаться лишь мечтами.

Тот холод Антарктиды и сейчас со мной – он рождается быстро и так же быстро сменяется полыхающим в теле огнем, приходит старым другом, когда кто-то касается меня. Поэтому я лучше спрячусь в дальнем углу кафе, пропущу свой автобус и пойду пешком, отгорожусь крепостями из бумаг в офисе, сниму очки, чтобы не видеть яркие пятна чужих мечтаний, и стану невидимкой, который видит куда больше, чем того бы хотел.

Я трус. И признаю это.

Я трус. И я не хотел ничего менять, пока на пороге моего офиса не появилась разрумянившаяся от воодушевления Делла Хармон, уговорившая меня рассказать вам эту историю.

И я рассказываю. Скрипя зубами, пишу эту повесть – о моем исцелении, о принятии себя.

Часть 1

Глава 1

Спустя годы он вернулся в Стамбул. Один, без матери, с пламенным приветом для дяди Хасана – того самого, который в детстве поил его сладким чаем, и страстным желанием смотреть на волнующийся Босфор.

Он хотел взглянуть в воды Босфора и увидеть свои отражения: мальчика, которым был, и молодого мужчины, которым стал. Он взглянул, но кроме усталых глаз, осунувшегося лица, сложенных на груди рук в попытке от этого мира отгородиться, больше ничего не рассмотрел.

Шеннон все так же боялся, пусть и смирился с этим страхом, так же смущался от пойманных на себе заинтересованных женских взглядов и позволял трепать стамбульскому ветру все ту же непослушную кудрявую копну.

Он был молод, но не воспринимал эту молодость как подарок – за шестнадцать лет он увидел слишком много сломанных судеб и был изнурен. Тени под глазами становились синяками, веки утомленно опускались все чаще и все реже губы растягивались в улыбке, а мучения обращались пустотой, к которой привыкнуть он не мог так же, как и к наполняющей его чужой боли.

Поток людей двигался по шумной широкой улице, огибая Шеннона. Они топтали его ноги, толкали в спешке, задевали плечами, не зная, что он видит, чем все рано или поздно закончится для каждого.

Босфор его не ждал: все те дни, пока он был в Стамбуле, с востока шел буйный ветер, взбивая волны и мешая кораблям двигаться по своему маршруту.

Дядя Хасан его не ждал: он умер, и место управляющего кафе занял его повзрослевший сын.

Покой его не ждал: Стамбул не был готов принять Шеннона вновь, не собирался, вняв его мольбам, сообщить, что страдания закончились и видеть чужие мечты больше не придется.

Шеннон долго собирался с мыслями, раз за разом открывая и закрывая вкладку браузера с доступными рейсами, надеясь, что, если вернется туда, где все началось, это «все» внезапно прекратит его тревожить. Он долго собирался с мыслями, готовился и молился, что черная дыра безысходности и страха наконец-то схлопнется в ту минуту, когда его нога ступит на пышущую жаром землю Стамбула.

Утром он спускался к мечети Ортакей, слушая, как экскурсоводы снова и снова произносят «жемчужина Босфора», указывая на мечеть, и вспоминал, стоя перед ее светлыми стенами, как девятилетним напуганным мальчиком прибежал к этой мечети, упал, содрав о камень кожу с коленок, возвел руки к небу и тихо молился.

Шеннон не был особо верующим – как и его мама, которая больше верила в спасительное действие горячительных напитков, чем в силу религии, – но в тот момент подумал, что от спустившегося на него проклятья может избавить только бог.

Но бог не помог, напуганный мальчик остался один, а его мама, все чаще запивающая водкой нахлынувшую тоску, начала шутить, что сын сумасшедший. И даже его плач не убеждал ее отказаться от этих шуток.

Забравшись на крышу старого здания, на высоких стенах которого облупилась краска, Шеннон ловил кудрями сентябрьский ветер, который дул с Босфора. Он вглядывался в горизонт, цепляясь взглядом за белый парус кораблика, который в вечернем солнце окрасился в пурпурный.

– Нечестно, – шептал он себе, замечая внизу гуляющих по вечерним улицам горожан и туристов. Друзья и подруги хохотали, фотографировали друг друга, танцевали под льющуюся из колонок музыку; возлюбленные целовались посреди тесных улиц, крепко обнимая друг друга; отцы несли на плечах счастливых дочерей, жующих сладкую вату.

Шеннон привык смотреть на людей со скорбью и притаившейся в душе завистью, привык быть наблюдателем, который лишь незаметно следил, понимая свою неспособность изменить то, что предрешено.

Он бросил попытки рассказать о своем проклятье: горький опыт показал, что ни ему, ни его возможности увидеть крах чужой мечты не верят.

А глупая тоска по времени, когда все казалось простым, не переставала его мучить.

– Нечестно, – повторил Шеннон. Он знал – это семьдесят третий раз за последний месяц. Старая привычка – считать каждое «нечестно» с того дня, когда мать решила навсегда его оставить.

Она умерла, едва ему исполнилось двенадцать. Ушла, оставив только шлейф перегара и дурманящий ужас в глазах сына, который и нашел ее на обшарпанной кухне их ветхого дома.

Она была первой, кто узнал о его проклятии и не поверил в его существование. Второй была тетка, взявшая его под свое крыло, а третьим и последним человеком стал Камерон Бакер – соседский мальчишка, который по ночам прятался за кустом под окном Шеннона в доме, который тот до сих пор так и не смог покинуть.

Камерон остался единственным, кто и сейчас ждал его там. Пусть и не под кустом соседского дома, но все в том же Реверипорте, откуда оба так и не уехали.

Юноша достал телефон и поморщился, глядя на уведомления; открыл переписку с другом и в очередной раз прочитал сообщение «Как ты?», которое проигнорировал еще позавчера утром. Он не знал, что ответить Камерону – да и самому себе.

«Никак. Я никак» – хмыкнул он мысленно.

«Все так же», – быстро набрали пальцы.

Сообщение улетело с тихим хлопком мессенджера, и ответное не заставило себя долго ждать.

«Возвращайся. Что-нибудь придумаем!»

Шеннон закрыл глаза и втянул ртом наполняющийся прохладой воздух. Камерон всегда так говорил, продолжая верить в свои слова. И пусть он вел себя как взбалмошный кретин – ногой открывал дверь дома Шеннона, дымил электронной сигаретой, сидя за его кухонным столом, – Камерон любил его всем сердцем и пытался передать ему свою уверенность.

Камерон, однажды ночью сидя на остывающей после летнего дня траве, прячась за кустом, не поверил, когда кудрявый мальчуган рассказал ему о том, что умеет видеть мечты всех, к кому прикоснется; не поверил, глядя в орехового цвета глаза Шеннона, который прижался щекой к подоконнику и с надеждой смотрел на него. Не поверил, да, но не отступил.

Шеннон был слишком тихим и покладистым для Камерона – задиры и в будущем покорителя женских сердец. Учитель истории всегда говорил, что «такие парни, как мистер Бакер, считают себя бессмертными и, на удивление, почти ими становятся благодаря своему безграничному везению». Тетка Шеннона говорила, что «ни разу в жизни не встречала более безумного рыжего, чем отпрыск Хелли Бакер», а Шеннон считал, что такого друга, как Камерон, не заслужил.

Плевать, что Камерон не поверил ему той ночью, что посмотрел на него, как на глупого выдумщика, верящего в детские сказки, так же, как было плевать, что шутки друга по поводу его «дара предвидения» не изменились за тринадцать лет их дружбы.

Значение имело только то, что Камерон оставался с ним. Всегда. До самого конца.

«Возвращайся домой, Шеннон. От себя не убежишь, пусть и пытаешься».

Шеннон не ответил, заблокировав телефон, и медленно закурил, чувствуя, как нос разъедает попавший в него сигаретный дым. Внизу зажглись фонари – десятки огней освещали улицы и магазинчики, отражаясь в окнах домов, хозяева которых еще не зажгли свет.

Люди гуляли по городу, щелкали затворы камер, до Шеннона доносились разговоры на разных языках, раздраженные выкрики и звонкий смех.

Шеннон вздохнул и затянулся сильнее, блуждая взглядом по лицам людей, которые его не замечали. Вдруг он увидел девушку, выбирающую в уличной лавке сувениры. Она сняла наушник, чтобы послушать увязавшегося за ней продавца, улыбнулась и вернула наушник на место. Вьющиеся светлые волосы незнакомки волнами падали на ее плечи, тонкие длинные пальцы крутили сувениры, которые она сосредоточенно рассматривала. Слышался ее тихий голос – она подпевала песне себе под нос, ни на кого не обращая внимания.

Он смотрел на нее, а вспоминал другую очень похожую – ту, что жила в Реверипорте, ту, имени которой даже не знал и подойти к которой так и не решился.

Впервые, когда увидел ее, она выплыла из толпы в вельветовом берете и с чудаковатой улыбкой на губах. Улыбаться было нечему – в разгар августа лил жуткий дождь и небо пронзали вспышки молний, – но ей, казалось, причины не требовались. Она очаровала его своей легкостью и тихим, понятным только ей покоем, который исходил от людей, что счастливы наедине с собой. Эта девушка заняла все его мысли, поселилась в его сознании, заставляя искать знакомый силуэт на улицах города.

Живущая в Реверипорте блондинка в вельвете была другой, но в чем это «другое» проявлялось, Шеннон ответить не мог. То было неподдающееся объяснению чувство. И оно ему полюбилось.

Он не заметил, как солнце над Стамбулом село, а уголки его губ дрогнули и еле заметно поползли вверх.

* * *

Турбулентность.

Светящаяся иконка над головой тихим сигналом попросила пристегнуть ремни безопасности. Шеннон приподнял шторку до половины, заглянул в просвет, из которого на затекшие от сидения ноги падали солнечные лучи.

Он прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла, не отвернув голову от солнечных лучей.

Он думал, что где-то в мире в эту минуту разжигали мятеж с целью свергнуть политиков, где-то шла война и люди лишались близких, а он сидел в самолете, летящем в Реверипорт, и в очередной раз сражался с тоской. Он сравнивал тех людей, о которых размышлял, с самим собой, надеясь, что чужая боль заглушит собственную, заставит встряхнуться.

Не заставляла. Он только быстрее шел ко дну, словно наглотавшись мутной воды.

Он летел домой. Дорога, о которой он думал так долго, никуда не привела, да и в Реверипорте ждать его было некому. Шеннона никто не встретит, никто не встанет у выхода с большой картонкой и криво написанным на ней именем друга, брата, сына или возлюбленного.

Он знал, все будет так: он выйдет из самолета, вжав голову в плечи, случайно коснется нескольких толкающихся пассажиров плечом, увидит чужую мечту и ее исход.

Тогда он зажмурится от головокружения, несколько раз тяжело моргнет, уговаривая кровь не бежать тонкой струйкой из носа, сожмет руки в кулаки и продолжит брести к эскалатору, стискивая побелевшими пальцами лямку спортивной сумки, в которой уместился весь его багаж.

Он знал, все будет так: он выйдет на улицу из здания аэропорта, провожая взглядом улыбающиеся пары и шумные компании прибывших, сядет в заранее вызванное такси, распластавшись на заднем сиденье, и попросит таксиста сделать музыку громче, чтобы спрятаться от ненужных разговоров.

Он знал, все будет так: он выйдет из такси и больше никогда не будет вспоминать про Стамбул, потому что тот разрушил его надежду, не освободив от проклятья.

Так и случилось.

* * *

Шеннон вернулся домой, где он рос, но так и не повзрослел до сих пор.

Хелли Бакер что-то сипло напевала себе под нос, выпалывая сорняки под яблоней, которая никак не хотела прорастать. Небольшого роста тощая женщина не стеснялась брать высокие ноты, хотя и была абсолютно лишена музыкального слуха, и надменно смотреть на проходящих мимо людей.

Шеннон кинул тихое «привет» и, как обычно, не дожидаясь ответа, поднялся в дом по шатким ступенькам старого крыльца, в сотый раз подумав, что с большой зарплаты обязательно вызовет мастера и поставит новое.

В доме было пусто. Солнце с боем прорывалось через закрытые потрепанные шторы и рисовало на потемневшей от времени столешнице бледную решетку.

– Птичка в клетке, Шеннон, – тихо проговорил он, кидая сумку на пол. Облачко пыли взметнулось вверх, заставляя юношу тяжело вздохнуть.

Он устал не от длительного перелета или усердной работы – усталость стала привычкой, от которой Шеннон не мог отказаться. Слишком долго пытался с собой бороться, слишком много сил положил, чтобы смириться с мыслью – видеть чужие мечты не перестанет. Попытки обернулись усталостью, она стала его спутником: мрачным, занудным, но верным.

А верность Шеннон ценил больше всего прочего.

Он был один. Даже с Камероном и его престарелой матерью по соседству, даже с черно-белыми фотографиями его юной тетки, расставленными в ненавистном серванте.

Она была «так себе мамашей» и бессовестно признавалась в этом, приводя в дом очередного симпатичного парня, такого же худого и пылкого поклонника тяжелого рока, как она.

И все же, несмотря на внешнюю грубость мужчин, на которых Катарин западала, никто из них ни разу не допустил колкого высказывания в адрес взрослеющего Шеннона – если бы это произошло, тетя забила бы их испачканной в муке скалкой до полусмерти.

Он вспоминал ее с улыбкой. Вечно молодая и с легким озорным безумием в глазах, она была куда лучше своей младшей, спившейся от неудовлетворения, сестры. И, вероятно, любила Шеннона куда больше: перед сном пусть и не читала ему, но слушала внимательно, от любых невзгод закрывала грудью и позволяла вечно печальному юнцу быть собой.

Он поспешил в душ. Капли воды безболезненно прикасались к его коже – они ни о чем не мечтали.

Шрамы на спине зудели даже после десятка лет, пуская по распаренной коже мурашки, – мать не скупилась на рукоприкладство, и, пусть ремни она никогда не носила, один, широкий, с металлической пряжкой, покоился в ее шкафу. Всегда под рукой, всегда готовый опуститься на спину ребенка, который слишком много выдумывал.

Шеннон поморщился и выключил воду, отдернув шторку ванной, – на мгновение показалось, что мать стоит за ней, осуждающе смотрит из-под опухших век и так же несвязно бормочет свое любимое «*глупый, вечно фантазирующий мальчишка*».

Он, как и все дети, страдающие от алкоголизма родителей, помнил двух мам: ласковую, заливисто смеющуюся, улыбающуюся одними глазами и злую, заспанную, вопящую нечеловеческим голосом. Ангела и Демона. Одержимую и свободную от оков. Свою и чужую.

А рядом с ней там же, за шторкой стояла Катарин. Катарин, которая по-доброму ухмылялась и протягивала листок бумаги с ручкой.

«Пиши, – говорила она уверенно. – И сразу станет легче».

И он писал. Писал до тех пор, пока не стало совсем невыносимо.

Экран смартфона засветился, противно запищал будильник. Шеннон вздрогнул и выбрался из ванны, скользя пятками по кафельной плитке, шипя сквозь зубы и в десятый раз за последний месяц обещая себе купить коврик для ног.

«Написать отчет».

Будильник продолжал пищать, а парень играл с ним в гляделки, борясь с желанием заорать ему в ответ.

– Напишу, – пообещал он себе и противной мелодии, тыча пальцем в круглую кнопку сброса на экране. – Вот увидишь, напишу.

Шеннон, конечно, знал, что если и напишет, то нескоро.

Слов у него больше не было – прошло то время, когда пальцы резво бегали по клавиатуре, вдохновленные собственной болью и тяжестью бесполезного, болезненного проклятья и возможности видеть чужие мечты.

В ящике старого кухонного стола до сих пор лежал единственный быстро напечатанный лист.

«Да, я уже не мечтаю, как прежде…

Об этом мне подумалось, когда я в пять утра, вместо того чтобы нежиться в кровати, подливал в горячий чай коньяк, подаренный давно позабытым, совсем неважным человеком. Для меня за шестнадцать лет почти каждый человек стал неважным.

Да, я уже не стучу по клавиатуре ноутбука так резво, как стучал когда-то, пытаясь успеть за летящей мыслью.

Клавиатура покрылась пылью. Листки бумаги пожелтели от времени. Миры развалились на большие кривые осколки, похоронив под собой мечтателя, которым я всегда желал оставаться.

Я проиграл эту партию. Новой попытки вернуться к письму и хоть на время забыть о боли уже не будет…

Да, я стал тем, кем всегда боялся. Обывателем. Неудачником, который не может написать ничего толкового.

А мечты… Что ж, с ними у меня всегда были напряженные отношения…»

Шеннон зажмурился, вспомнив ночи без сна и восходящее солнце, которому он приветливо кивал, допивая третью чашку остывшего кофе, пока в гитарных аккордах и тихих голосах из динамика тонули короткие щелчки клавиш ноутбука.

Он вспоминал, как непринужденно писал и только в этом был счастлив. Писательство давало ему выход.

Теперь выход закрылся. Запасного не было.

Глава 2

– Если еще хоть раз увижу твои похотливые мечты, скину тебя с моста за холмом, – процедил сквозь зубы парень, когда рыжеволосая бестия мужского пола бросился к нему с объятиями. Облако мечты Камерона – такое же, как у всех, кто мечтать еще умел, и доступное только взгляду Шеннона Паркса, – обволокло его, а знакомые образы его грез замелькали перед глазами.

Он знал их наизусть, успел выучить за годы, привык к их стремительному бегу под веками.

– Везет тебе – твои похотливые мечты не доведется увидеть никому, – хитро подмигнул Камерон, подталкивая Шеннона к машине. Пурпурное свечение мечты вокруг его силуэта дрогнуло. – Прыгай, а то я опаздываю. Полетим со скоростью света.

– Каждый раз так говоришь, а плетемся, как черепахи.

Камерон горделиво сообщал, что не боится ничего. Друг знал, что парень лжет, – он боялся всего, что ездит, летает, ползает или жужжит. Наверное, лучше так, чем бояться коснуться кого-либо в толпе или не иметь возможности спокойно пожать руку старому товарищу.

Шеннон закрыл глаза, мирясь с тупой зудящей болью в черепе, с дрожью в пальцах и страхом за мечту друга, которую только что увидел.

– Удалось? – крикнул Камерон, прерывая шум, доносившийся из открытых окон. Одичавший ветер трепал кудрявые пряди Шеннона, недавно аккуратно зачесанные гелем набок, и мешал открыть глаза. – Стамбул помог понять, для чего тебе этот дар предвидения?

– К черту Стамбул. Он мне всю жизнь испортил.

– Что, больше не поедешь?

– К черту Стамбул, – повторил Шеннон, щурясь. – К черту…

– Тебе бы девчонку найти, дружище. Тогда все проблемы сами пропадут, – заливисто рассмеялся покрытый веснушками парень.

– У нас с ней мечты не совпадут, – тихо отозвался юноша, зная, что друг не услышит – уже ушел в свои мысли.

Старенький форд с оторванным бампером мчался по улицам Реверипорта, а Шеннон закрыл окна автомобиля, прячась от бивших в лицо потоков воздуха.

Его мечта никогда не достанется другим. Это единственное светлое, что у него осталось.

Он закрыл глаза, возвращаясь к ней.

Дом, забытый всеми. Пес, брошенный старыми хозяевами, немного потрепанный, но горячо любимый здесь. Высокое крыльцо, стоящие на столике чуть завядшие цветы, сорванные на лугу рядом. Ждущие своего часа удочка и высокие резиновые сапоги в углу прихожей. Повешенная на крючок затертая бейсболка и дребезжащий во время езды пикап, ждущий своего часа в сарае за домом.

Его оазис, его уголок покоя в диком мире.

Шеннон устал от ярких красок чужих мечтаний, которые следовали за ним повсюду, где только были люди, устал от рокота толпы и гула машин. Он устал и хотел лишь туда, в дом на берегу озера – ждал момента, когда его мечта ему самому станет доступна.

Красный сигнал светофора и шелест голосов заставили Шеннона открыть глаза.

Камерон говорил по телефону, такому же старому, как и его автомобиль, а по пешеходному переходу плелись или бежали люди, окруженные мерцающими разноцветными облачками их грез – так мерцали их мечты, которые Шеннон видел прежде, чем успевал рассмотреть лицо. А так хотелось бы сначала видеть человеческие лица вместо разноцветной палитры…

Они тоже были здесь – лишенные мечты мрачные путники, заблудившиеся тени, окруженные туманом вместо разноцветных облаков. Эти существа с серой кожей, они пугали Шен-

нона – единственного, кто их видел. Он не любил *их* больше всего остального – именно *они* стали его болью: те, кто больше не грезил наяву.

А потом он вновь увидел ее. Незнакомку, которую повстречал на оживленной улице Реверипорта однажды, которой не переставал любоваться, которую надеялся снова рассмотреть в толпе. Незнакомку, по которой он скучал так, словно она была хорошим другом, давно покинувшим жизнь Шеннона, и к кому боялся прикоснуться больше прочих, на деле неистово этого желая.

Она была другой – легкой, грузами судьбы не утяжеленной, простой и излучала что-то, что описать и объяснить даже самому себе было не под силу. Она, окруженная иными сполохами света, слишком яркими среди остальных, стала его наваждением, призраком, мелькавшим во снах и наяву. Будто бы невесомая, она источала нечто, в чем Шеннону удалось разглядеть отголоски ответов на свои вопросы: ее мечта была иной, и глядя на ее желто-оранжевое сияние, которое раньше Шеннон никогда не встречал, он подумал, что в этой девушке таится ключ, разгадка.

Подумал – и ухватился за эту мысль, как за спасительную соломинку, думая, что, приблизившись к незнакомке, сможет расставить все на свои места.

При виде нее на улицах маленького Реверипорта замирало сердце, ладони потели, как у подростка, а взгляд сосредотачивался только на ее ауре цвета охры.

Шеннон не знал ее имени, но в тайне от всех и ее самой называл девушку Гердой. Он сначала не понял, почему первым на ум пришло именно это имя, а после осознал – незнакомка и вправду была Гердой – полной разрушающих преграды любви и милосердия. Той, которая запросто подпевала песне, не обращая внимания на прохожих; чесала за ушами уличных котов и – Шеннон видел своими глазами – кормила их каждый раз, как встречала.

Она была Гердой. Гердой, которая могла растопить льдинку в его сердце – сердце Кая.

Он проводил ее взглядом. Девушка зашла в цветочный магазин, широко улыбнулась продавщице, подрезающей стебельки роз, и указала хрупкой рукой на стеклянную витрину в глубине зала.

Возможно, Шеннон был не прав на ее счет. Вероятно, он все придумал, чтобы было за что держаться.

Камерон толкнул друга в бок, машина тронулась с места, а девушка осталась в магазине, пропав из поля зрения.

– Опять *замечтался*? – прищелкнул языком Камерон, усмехаясь.

– Как всегда.

Он знал: пройдет три дня, и незнакомка в берете, которую Шеннон назвал Гердой, растворится в его сознании, станет легкой дымкой, окруженной желто-оранжевым мерцанием, суть которого он не понимал.

Он будет ждать ее. Чтобы прикоснуться к ней, увидеть последствия ее мечты и понять, для чего однажды Стамбул обрушил на его голову проклятье.

Он будет ждать ее. И если Герда действительно способна помочь, жизнь сведет их в нужное время.

* * *

– Спасибо, Паркс, – раздался грубый женский голос в трубке. Коллега с явным трудом давила из себя слова благодарности.

– Просто Шеннон, пожалуйста, – с нажимом отозвался тот. – Обращайтесь.

Он повесил трубку. Еще одна задача выполнена, еще один бонус в его копилку опустился с легким звоном.

В Реверипорте было два издательства, и ему довелось работать в лидирующем – маленький подарок судьбы, как пряник после кнута, который опустили на его спину в девять лет.

Но его здесь не любили. Нелюдимый, не отвечающий на рукопожатия и слишком требовательный к словам – он не мог не отталкивать.

Его коллеги никогда не скучали – они смотрели футбольные матчи, ездили за город на гольф-кары и наслаждались караоке, пропуская коктейли, пока юнцы вроде Шеннона Паркса пытались выслужиться перед директором, искали новые проекты и корпели вечерами над новыми статьями за разогретой в микроволновке трехдневной лазаньей.

Его портфолио медленно пополнялось, один клиент сменял другого, а месяцы бежали как стрелки настенных часов, крутились, жалобно скрипя и умоляя парня начать писать собственную историю. Вот только подходящих слов для нее он подобрать не мог, не знал, как поведать, да и не понимал, нужно ли – прошлую историю ведь не оценили.

Он стал называть свою жизнь «рутинным домиком»: только работа, бумажный стаканчик латте в конце дня, ночные прогулки после обжигающего душа, выкуренная в тайне от всех сигарета, попытки сложить буквы в нужные слова, нечаянные прикосновения, смех Камерона. Мрачные силуэты не-мечтателей стали чаще наполнять улицы – в остальном ничего не менялось. Жизнь перестала быть жизнью, стала привычкой и отработанным набором ходов.

Секретарь опустила стопку документов на стол Шеннона, вернув его в реальность мягким тычком в плечо, – его просьбу не прикасаться к нему все сотрудники издательства упорно игнорировали. Он вздрогнул, поднял на нее затянутый пеленой взгляд, отрывисто кивнул и отвернулся. Голова заболела вновь, расплывчатыми картинками заплясали перед глазами видения, которые он пытался забыть: темноволосая девушка, добившаяся успеха, ее гордость, смешанная с надменностью, поток клиентов, который внезапно иссяк, крик в подушку и приставы, забирающие имущество в счет погашения долгов, банкротство и падение вниз, в ту самую нищету, из которой она долгие годы выбиралась.

Шеннон зажмурился, стараясь не смотреть секретарше вслед, чтобы не крикнуть ей в спину: «Остановись, не рвись туда, откуда свалишься с громким треском!».

Никто не видел людей, как он. Остальные видели очки или покрытые рубцами щеки, веснушки или длинные ресницы, брюки с заглаженными стрелками или ботинки, припорошенные дорожной пылью. Он же видел, как мечта становится палитрой, обрамляющей лицо каждого, в ком еще живет, а после – непременным разрушением.

И он этим не гордился. Он страшился своего одинокого безумия все так же, как страшился его в девять лет.

* * *

Ночь выдалась теплой.

Клубы наполнялись молодыми людьми, громко смеющимися, выбегающими на улицу, чтобы подышать, проветриться или покурить тонкие сигареты с легким ароматом персика. Они были ровесниками Шеннона, но тот чувствовал себя стариком рядом с ними – дряхлым и замученным, бредущим по темным улицам в поисках ответов и покоя: ему лишь бы подольше побыть дома, чтобы не видеть мелькающих перед глазами ярких пятен человеческих мечтаний, лишь бы выдавить из себя пару достойных строк, которые самому придутся по душе.

Глядя на перебегающую дорогу напуганную кошку, он подумал о Герде и том, как бы она отнеслась к его привычке подбирать брошенных животных и раз за разом притаскивать их, завернув в плед, в ветеринарную клинику Лейлы Эллингтон, которая обычно усмехалась и тут же сажала потеряшек на металлический стол для осмотра.

Животные были единственными живыми существами, к которым Шеннон мог прикасаться, не морщась от боли и не просыпаясь ночью от увиденной мечты-кошмара. Наверное,

потому он проводил с ними больше времени, прикасался к ним чаще, чем к людям. Животные любили его, словно видели его страдания и, прижимаясь ближе теплым боком, забирали боль.

Их не окружали цветные сполохи, они не были мрачными фигурами, превратившимися в тени. Они были единственными, кого Шеннон видел так же, как остальные, и общение с кем приносило ему душевное спокойствие. Только в них – в единственных созданиях, которые не пытались осуществить мечты и не страдали из-за этого, – он видел отдушину.

Шеннон поднес телефон к уху.

– Вы наверняка не спите в этот поздний час, да? Я неподалеку от вашего дома. Зайду?

– Тебе всегда рады. Посмотришь на своего последнего потеряшку. Мы сделали ему операцию, и Кайл, пока выхаживал его, так к нему привязался, что… В общем, я не удержалась.

Шеннон расплылся в улыбке и остановился посреди улицы.

– Вы решили его оставить?

– Да! – Лейла рассмеялась. – Ты подарил нам нового члена семьи.

– Тогда я обязан зайти.

– Шон обрадуется.

– Шон? Почти тезка? Кого благодарить?

– Это наше общее решение. Я приготовлю чай. Прибегай скорее.

Он положил трубку и двинулся в сторону парка, срезая дорогу, думая, что, быть может, с каждым животным, подобранным им и выхоженным Лейлой, мир становится чуточку лучше: больше любви и меньше одиночества, больше счастья и меньше необходимости бороться за выживание.

Шеннон усмехнулся, глядя под ноги. Он и сам был бы не прочь стать подобранным животным.

Почти у входа в парк, на скамейке под деревом лежал мужчина, положив под голову драную сумку, посильнее запахнув такую же истрепанную куртку.

– У вас доллара не найдется? – хрипло спросил он, когда Шеннон, замедлив шаг, поравнялся с ним.

Тот нерешительно выудил из кармана две банкноты и медленно, дрожащей рукой протянул их бездомному, чувствуя, как спина покрывается липким потом.

– Спасибо тебе, – отозвался мужчина, почти вырывая деньги из рук. – Ты так смотришь… – устало усмехнулся он. – Это не на дурь, на еду. Честно. Хотя, – он махнул рукой, – вы все так смотрите. Пугаетесь, как чумы, словно быть бродягой заразно.

– Я не поэтому так смотрю, – замотал головой Шеннон, встрепенувшись, отводя взгляд от темного полупрозрачного смога, накрывающего лицо нежеланного собеседника.

У него не было мечты. Так давно, что тени вокруг его силуэта стали почти угольными и такими густыми, словно в них можно было задохнуться.

«*Человек-копоть*», – произнес про себя Шеннон, двигая одними губами.

Бездомный округлил глаза.

– Шизик, что ли?

Пусть лучше думает так. Пусть лучше не знает, что стоящий напротив парень отчетливо видит сизый туман за его спиной, лижущий его впалые щеки, и понимает, как его грезы растворились без возможности вернуться и наполнить жизнь новой краской.

Шеннон тяжело сглотнул подступивший к горлу ком. Знал – в глазах засветилось сочувствие, от вида чужой безысходности даже задрожали на ресницах первые слезы.

– Угу, – отозвался он, дрожа и отворачиваясь, быстро удаляясь в глубь парка, игнорируя брошенное вдогонку сиплое «спасибо».

Что хуже – видеть мечту человека и знать, какой болью и разочарованием она обернется, или разговаривать с утонувшим в пепельном тумане? Он не находил ответа на этот вопрос. Он бы предпочел не видеть ни того, ни другого, но жизнь распорядилась иначе.

Жизнь никогда не спрашивала.

Глава 3

Лейла Эллингтон открыла дверь, широко улыбаясь.

– Как твой отпуск? – спросила она, притягивая друга к себе, обнимая подкачанными руками, не обращая внимания на его подрагивающие плечи.

Шеннон зажмурился, постарался расслабиться в объятиях подруги – головная боль усилилась, в глазах потемнело, словно кадры фотопленки в сознании задвигались, картины, виденные не раз.

– Отпуск удался, – соврал парень, мягко отстраняясь, силясь не закашлять.

Лейла была старше его на десять лет. Поджарая, высокая, с гладко зализанными темными волосами, стянутыми в хвост, со всегда горящим взглядом, она могла решить любую проблему любого хвостатого пациента, которого приносили на ее медицинский стол.

Она сияла бирюзой, почти такой же, как ее Кайл. Их мечты почти слились в одну за годы совместной жизни и работы, их души принадлежали друг другу с момента встречи, как говорили они сами.

Шеннон тяжело моргнул и потряс головой, пытаясь остановить разноцветные пестрые стеклышки калейдоскопа, от которых мутило. Но они никогда не слушались, только кружились в своем безумном танце, приподнимая завесу истины, которую видеть не хотелось.

– Кайл с Шоном, моет его перед сном, – улыбнулась Лейла, махнув рукой в сторону спрятанной за шторкой двери. – Скоро придет. Чай, кстати, заварился на славу, пока мы тебя ждали. Будет крепко.

– Люблю крепкий чай.

– Знаю, – подмигнула Лейла, поманив Шеннона за собой.

Он прошел через знакомую прихожую ветеринарной клиники, которая вела в зал ожидания и холл двухкомнатной квартиры, где уместился быт Кайла и Лейлы, и скользнул за шторку.

– Зато на машину тратиться не надо – дверь открыл и уже на работе, – улыбнулся Шеннон, ответно подмигивая подруге.

Эта шутка была стара как мир, но парень упорно повторял ее, переступая порог их квартиры, несмотря на то что в их распоряжении уже несколько лет были два отличных автомобиля. Лейла видела друга насквозь – забудь он сказать эту незамысловатую фразу, давно заученную наизусть, точно бы налетела на него с вопросами вроде «что не так на этот раз?».

– Пол вымыт, снимай ботинки, – шутливо погрозила она пальцем.

– Свадьба-то скоро? – спросил Шеннон, проходя мимо двери ванной комнаты, из которой доносились смех Кайла и громкий лай.

– Скоро, – хитро прищурилась Лейла. Бирюзовое свечение за ее спиной стало ярче, дрогнуло, разрастаясь. – Ты будешь первым приглашенным гостем. Даже шафером, если согласишься.

– Я лучше буду подружкой невесты.

Лейла расхохоталась.

Они уселись в гостиной у дешевого электрического камина, по экрану которого периодически пробегали помехи.

Лейла встретила Кайла на курсах повышения квалификации, которые вела в местном университете. Из группы будущих ветеринаров девушка выхватила взглядом одного – бледного блондина с яркими голубыми глазами, которые светили прожекторами в толпе, и без памяти влюбилась в его «исправно работающую соображалку» и умение находить подход к любому человеку. И пусть за эти три года совместной работы и жизни они так и не надели кольца друг другу на пальцы – в основном из-за неодобрения этого разновозрастного брака родителями Лейлы, – оба были счастливы.

– Не устали от круглосуточной работы? – спросил Шеннон, делая глоток обжигающего черного чая и в десятый раз за трое суток вспоминая легкую терпкость гранатового стамбульского.

Его туда тянуло невыносимо, а чувство непонятной тоски и остатки призрачной надежды мешали исполнить данное себе обещание больше никогда не возвращаться к Босфору.

– Держимся. Сам понимаешь, животные как члены семьи. Круглосуточные больницы на каждом шагу, а круглосуточные ветеринарки по пальцам можно пересчитать. Это неправильно. – Лейла помотала головой и всплеснула руками. – Ты же не будешь ждать до десяти часов утра, если у твоей бабушки прихватит сердце?

– Буду, – наигранно серьезно кивнул Шеннон.

– Изверг, – рассмеялась Лейла и собиралась было толкнуть друга плечом, но топот мохнатых лап, стремительно приближающийся к ним, отвлек ее.

Шеннон откинулся на спинку дивана, подальше отставляя кружку, в тот момент, когда Шон, произведя идеальный метровый прыжок, приземлился ему прямиком на колени.

– Ты будешь облизан, – успел сообщить выбежавший из ванной с полотенцем на плече Кайл – взлохмаченный, но счастливый, – когда язык овчарки-подростка коснулся щеки Шеннона.

– Привет-привет, красавчик! Ты что, вырос? – засмеялся парень, не очень активно уворачиваясь от поцелуев пса.

Он обхватил мохнатую морду руками и заглянул в карие, почти человеческие глаза.

– Так мы теперь почти тезки? Не может быть! – воскликнул он.

Шон еще быстрее завилял хвостом и вновь бросился облизывать своего спасителя.

– Мы прооперировали ему лапу, Лейла сказала тебе? – Кайл присел рядом и, щурясь от удовольствия, потрепал пса по загривку. Аура цвета морской волны играючи переливалась за его спиной, лизала щеки и незаметно играла в волосах. – Ухо, конечно, не встанет обратно, но это делает его только милее.

– Кайл смотрит на него с такой безграничной любовью и нежностью, что я иногда начинаю ревновать, – пробормотала Лейла, сложив руки на груди.

Кайл рассмеялся, Шон заливисто гавкнул, покрутившись на коленях Шеннона, и уселся, склонив голову, выжидающе глядя юноше в глаза.

Он нашел пса избитым, жалобно плачущим от страха, забившимся в угол между мусорными баками в переулке и с ужасом глядящим на двух собак, подступающих к нему с оскаленными зубами.

Шеннон разогнал их, получив пару легких укусов в лодыжку, схватил нового друга под мышку и побежал домой, пытаясь не отвлекаться на повизгивания, раздававшиеся каждый раз, когда его рука слишком сильно сжимала заднюю лапу пса.

Юноша помнил, как отмыл его в ванной одним из десятка шампуней для собак, стоящих в ряд на стеклянной полке, накопленных за годы подобных «спасений», помнил, как скинул фото Лейле и как та тут же ответила двумя короткими предложениями: «Срочно вези его к нам. Вижу заражение!».

Шеннон, дрожа от напряжения и боли в лодыжке, вместе с почти потерявшим сознание Шоном, у которого была разорвана лапа и прокушено ухо, помчался в ветеринарную клинику Лейлы Эллингтон, молясь, чтобы жизнь существа, которое только начало земной путь, не оборвалась в машине такси.

В ту минуту в гостиной, перед камином, почесывая пушистое влажное пузо пса, который почувствовал семейный уют и любовь, Шеннон надеялся, что и его – потрепанного, напуганного, потерянного – однажды так же спасут и полюбят, несмотря на раны.

* * *

Он видел этот сон много раз и, закрывая глаза, умолял сознание остановиться, не прокручивать его вновь, но напоминание об ошибке преследовало высоченным черным чудовищем: скользило следом, зло скалилось, обнажая кривые клыки, горячей лапой касалось плеча, заставляя Шеннона обернуться и взглянуть ему в глаза.

Тетя Катарин была в восторге, скакала вокруг зеркала, натягивая на тощие запястья браслеты из цепей, и визжала от предвкушения, бросая редкие и уже менее взволнованные, чем обычно, взгляды на племянника.

– Ну улыбнись ты, малявка! – всплеснула она наконец руками. Тяжелые украшения еле слышно зазвенели.

Шеннон лишь опустил взгляд и поджал губы, прячась глубже в свою раковину, из которой в тот день стоило бы выбраться.

– Не ходи туда, – проговорил он тихо, мотая головой. – Пожалуйста, не ходи. Я чувствую, случится что-то ужасное.

Интуиция никогда его не подводила – только не в том, что касалось связанных с ним кровными узами людей. Подобные липкие сети оплетали его тело перед смертью утонувшей в собственной бутылке алкоголя матери.

Но он был молод. Молод и не до конца уверен, что видит истину, что картинки в его сознании не лгут и не подбрасывают вариант один из возможных.

– Брось, Шен! – отмахнулась тетя, повесила на шею серебряный крест и задорно хлопнула в ладоши.

– Пожалуйста, Катарин, не ходи. Умоляю! – прочти простонал он, крепче сжимая вилку. Пальцы задрожали и выпустили прибор, который звякнул, ударившись о тарелку. – Я не могу тебя туда отпустить.

– Шен, – тетя уверенно приблизилась и присела рядом с его стулом на корточки, пытаясь заглянуть племяннику в глаза, – я эту группу слушаю с того дня, как сбежала из дома. Побывать там, с ними, в одном зале… Это ведь моя мечта! Совсем невинная, между прочим!

– На этом концерте случится что-то ужасное, – прошептал Шеннон, хватая Катарин за запястье. – Ну поверь же мне! Хоть раз поверь! Я в таком не ошибаюсь…

– Ты опять про свою космическую болячку? – перебила его тетя, взглядом указав на стиснутые на ее руке пальцы парня. – Сейчас прикасаешься. Что видишь?

– Твою смерть.

Катарин моргнула, отшатнулась, а потом звонко расхохоталась, заставив племянника зажмуриться – от жуткой головной боли, чуть ли не ломавшей переносицу, и горечи ее неверия.

– Ну хоть умру с музыкой!

Шеннона затошнило. Он был готов ринуться в ванную, когда звонок в дверь возвестил о появлении друзей Катарин, таких же, как она сама: в черной одежде, с повязанными на запястьях алыми банданами, набитыми яркие «рукавами» и заливистым гоготом, всегда выделявшим их из толпы.

Катарин недавно исполнилось сорок. И в минуту, когда ее фигура скрылась за дверью, когда голос, после смерти матери позвавший Шеннона домой, произнес «До завтра, малявка!», он знал точно – это их последняя встреча. Завтра не настанет.

Он не смог побежать следом, не смог затащить ее обратно в дом, потому что ноги отказывались идти, а горло наполнили полные боли всхлипы, становящиеся сдавленными выкриками, превратившимися в мольбу.

– Только не она! Пожалуйста, только не она. Я так сильно ее люблю…

Сон заискрился, задрожал, меняя пол с потолком, показывая Шеннону его самого – восемнадцатилетнего парня, зареванного, забившегося в угол ванной комнаты и неистового воющего, ломающего пальцы от полных злости ударов, опускающихся на деревянный шкафчик.

Сильные руки трясли его за плечи, тормошили, как куклу, резко били по щекам, оставляя на них зудящие следы.

– Хватит орать! – горячо шептал кто-то на ухо, пытаясь разбудить. – Да проснись ты наконец!

Шеннон вскочил с кровати, бросился вперед, вырываясь из чьей-то цепкой хватки и пытаясь понять, где находится.

– Твою ж!..

Одеяло обвило его ноги, парень свалился на пол, стараясь выпутаться из плена. Глаза застилала пелена оставшегося сна, онемевшие руки не слушались – тысячи иголок парализовали их, каждое движение пальцев причиняло тупую боль; счастливое лицо спешащей на концерт Катарин мелькало рядом, разрывая сердце, а чей-то голос из реальности продолжал выкрикивать его имя.

– Шеннон, засранец, просыпайся!

Новая пощечина разбила нечленораздельный гомон сна-воспоминания, щека вспыхнула сильнее, Шеннон дернулся и распахнул глаза, увидев вместо тети мечту пытавшегося до него достучаться Камерона – сначала тот стоял перед полотном, покрытым масляной краской, потом подписывал копии своих работ и пожимал руки тем, кто наконец оценил его картины…

А потом пускал пулю себе в висок.

Шеннон застонал, переворачиваясь на полу и сильнее запутываясь в одеяле. Один кошмар сменился другим, уже ставшим привычным и оттого более жутким: Шеннон переживал смерть друга больше пятидесяти раз, снова и снова, пока тот продолжал рисовать и рваться к славе.

Он лежал на полу, а склонившийся напуганный Камерон тряс своей рукой, пытаясь отогнать боль, пронзившую пальцы.

– Господи, я твой крик из своей спальни услышал! Пора к врачу, дружище, тебе так не кажется? – возмущался рыжий юноша, обводя комнату взглядом. – Прибрался бы! Что с тобой творится?!

– Я должен был убедить ее не ходить, – завыл Шеннон, закрывая лицо ладонями, прячась от пышущего негодованием взгляда друга, видения его смерти и остатков сна. – Должен был уговорить остаться дома… Должен был…

Камерон вздрогнул.

– Ты о Катарин? – догадался он, присаживаясь на корточки. – Столько лет прошло, Шеннон…

– Я облажался. У меня была возможность предотвратить, а я… – стонал парень, вытирая с щек соль от против воли пролитых во сне слез. – Твою ж… Прости, не могу больше.

На концерте началась стрельба. Новое покушение на смелых музыкантов, слишком ярких борцов за свободу, которых пули почти не коснулись. Но одна, шальная, выпущенная в толпу, чтобы создать хаос, задела Катарин и прошла насквозь, забрав сразу двоих – отвязную тетю Шеннона и ее нового парня, стоявшего прямо перед ней.

Ее племянник уснул в ту ночь от бессилия прямо на кафельном полу ванной комнаты, закинув голову на бортик, зная, что в момент, когда его глаза закрылись, Катарин Паркс умерла.

Камерон – знавший о произошедшем, но за годы так и не признавшийся в том, что действительно думает насчет сбывшегося видения друга, – замялся, хотел было что-то сказать, но потом виновато поморщился и протянул Шеннону руку, обмотав ее пледом. И пусть Камерон не верил в способность друга видеть чужие мечты, – или верил не до конца, – он уважал его

боль и страх, стараясь прикасаться к нему как можно меньше, создавая между ними дополнительный барьер из любой попавшейся под руку вещи.

– Ладно, прости. Давай, поднимайся, – пробормотал парень, помогая другу встать с пола, пиная одеяло. – Я помогу. Всегда помогу, ты же знаешь.

Темные кудри Шеннона намокли от пота, а губы дрожали, силясь произнести что-то, что невозможно было описать словами.

Он упал обратно на диван, уперся локтями в трясущиеся коленки и тихо застонал, а Камерон молча достал две бутылки пива из холодильника.

– Шестнадцать лет прошло, черт возьми. Шестнадцать… – шептал Шеннон в пустоту, мысленно моля покой вернуться. – За эти годы я так и не понял, зачем мне нужно это проклятье! И никто не в силах объяснить.

– Кто-то точно в силах, – заметил друг, садясь рядом и с тихим щелчком сворачивая пробку бутылки. – Просто ты этого человека еще не нашел.

Шеннон и сам толком не знал, что пытался понять. Быть может, ждал ответа на вопрос вопрос, зачем все это, или надеялся, что кто-то даст ему руководство к действию и расскажет, как использовать проклятье во благо, если это вообще возможно. Или хотя бы даст уверенность, что все эти многолетние муки и кошмары не были напрасны.

А тем временем ни ответов, ни инструкций по применению он не находил.

Но получил намек – ярко-желтое свечение в толпе, мазок краски, мечту, которая точно отличалась от иных своей аурой, в которой захотел увидеть ключ и за которую решил ухватиться.

«Ты ли это, Герда? Ты ли спасение и путеводная звезда по моим личным страданиям?»

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины…[2]

Шеннон тяжело моргнул и развернулся к Камерону.

– Ты же не читал «Божественную комедию» Данте, – нахмурившись, проговорил он, пока парень делал большой глоток пива.

Он был взлохмачен, остатки сна замерли в уголках глаз, а на пальцах застыли пятна краски, которые давно впитались в кожу и засохли под ногтями.

– Не-а, – причмокнул тот, усмехаясь. – Но эту фразу хорошо запомнил со школы – она мне еще тогда тебя напомнила. Ты тоже в сумрачном лесу, Шеннон, в самом настоящем – дремучем, ужасном – и из-за деревьев уже ничего вокруг себя не видишь.

– Я утратил «правый путь»?

– Ты себя утратил. – Камерон серьезно взглянул на друга, и его брови сошлись на переносице. От былой усмешки не осталось и следа. – Я за тебя беспокоюсь.

Он ушел через четверть часа, прихватив с собой бутылку не допитого Шенноном пива. Камерон уже не смеялся, не шутил многословно, не дымил электронной сигаретой, которую каждый день подбирал под цвет куртки, не трепался о лотерейных билетах и даже не бросал на прощание по-доброму язвительные комментарии – он был напуган и зол на человека, с которым провел детство и которого сейчас не в силах был вытянуть из болота, куда тот ступил по своей воле.

На часах было пять утра, солнце, медленно поднимаясь, заглядывало в окна, лучами украшая подоконник и стоящие на нем редкие цветы, которые уже и не ждали воды, – они знали, что Шеннон забыл про них.

---

[2] «Божественная комедия» Данте Алигьери, Ад, Песнь первая.

Он надел очки в черной оправе, открыл ноутбук, постучал по клавишам и изможденно уставился на открытую страницу с текстом «Божественной комедии».

– «Так горек он, что смерть едва ль не слаще…» – прошептал он поднимающемуся солнцу, усмехаясь. И пусть оно висело над головами всего живого, но, кажется, истинно светило лишь некоторым избранным, достойным его. И Шеннон в этот список, видимо, не входил – его личный мир скрывала тень.

Он пробегал глазами по первой песне, поглощая строчку за строчкой, узнавая в словах Данте себя – бегущего в смятении дрожащего духа, который не заметил, как сбился с верного пути, и не помнил, как вошел в сумрак.

Телефон на комоде вибрировал, а будильник истошно верещал, пока Шеннон прожигал взглядом две строчки:

Спаси, – воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!

Глава 4

Герда появилась совершенно внезапно.

Она вошла в офис в полдень, перекинув светлые волосы на одно плечо, слегка поправила лиловый берет и опустила руку в карман таких же лиловых вельветовых брюк.

На мгновение все взгляды обратились к ней, шумиха в офисе редакции смолкла, но все почти тут же вернулось на круги своя – сотрудники издательства отвернулись к мониторам, скользя взглядами по текстам и щелкая мышками. Только Шеннон продолжал смотреть на нее, отвлекаясь на желтую дымку, окружающую ее силуэт.

– Привет! Я Делла Хармон, из театра, – тихо проговорила Герда администратору при входе. Она улыбнулась и склонила голову набок, поправив лямку сумки на плече. – Мой руководитель звонил вам в начале недели по поводу обзорной статьи новых декораций.

«Делла Хармон, из театра!» – кричал рой голосов внутри, пока Шеннон тряс головой, пытаясь прогнать наваждение. Он протер глаза и вновь взглянул на то место, где должна была стоять Герда, в полной уверенности, что девушка испарилась.

– Да, вы есть в списке. Сотрудник, который будет заниматься вашим вопросом, только что вернулся из отпуска, мы не успели передать ему запрос, поэтому… – Администратор махнула рукой в сторону широкого стола под окном. – Объясните ему ситуацию еще раз. Его зовут Шеннон Паркс.

Герда обернулась, вглядываясь в него, а глаза юноши тем временем расширились от ужаса.

«Нет, только не сейчас!»

Судьба посмеялась над ним вновь, и Шеннону казалось, что, будь она человеком, сейчас бы встала перед ним, сложив руки на груди, склонила голову набок и самодовольно скривила лицо, проговорив что-то вроде «Ты же сам просил спасти тебя накануне, так чем ты недоволен, парень?».

– Шеннон Паркс, хорошо, – кивнула Герда.

Она снова улыбнулась. Кажется, она улыбалась всегда.

А он смотрел, как девушка неуверенной поступью приближается к его столу, озираясь по сторонам, обводя заинтересованным взглядом кирпичную кладку стен, выкрашенные в черный трубы под потолком и столы из темного дерева.

Он наблюдал, как Герда идет к нему и как переливается ее яркая желто-оранжевая аура, которую он выхватил взглядом еще полгода назад, продираясь через поток людей к любимой кофейне Реверипорта – в ней почти всегда было пусто, и бармен точно знал, какой латте любит Шеннон.

В тот день она шла ему навстречу, покачивая головой в такт льющейся из наушников музыке, тихо подпевая, не замечая окружающих заинтересованных взглядов. Тогда ее ауру цвета охры оттеняла изумрудная блузка и бежевые брюки, вельветовые, конечно, такие же, как и сумка на плече. Ее образ отпечатался в сознании, решил, что ему там самое место, и никак не хотел убираться прочь, снова и снова возрождая в памяти то оранжевое чистое свечение, которое Шеннон за годы встретил впервые.

На Герду словно кто-то поставил метку. Метку человека, которого парень, способный видеть чужие мечты, обязан был узнать, которому должен был раскрыться, у которого мог попросить помощи.

Девушка помахала ему, подойдя к столу, и опустилась на стул напротив, положив сумку на колени.

– Шеннон Паркс?

Тот в растерянности оглядел заваленный бумагами стол и постарался как можно незаметнее поправить очки на переносице и смахнуть упавшую на глаза кудрявую челку.

– Да, добрый день, – хрипло отозвался он, заставив себя заглянуть в серые глаза Герды, ничем не примечательные, кроме пляшущих там ярких заинтересованных огоньков.

– Меня зовут Делла Хармон, я, кхм… – она на мгновение замялась, хмыкнув и коротко усмехнувшись, – представитель Драматического театра Реверипорта. Мой руководитель связывалась с вашим издательством по поводу написания обзорной статьи новых декораций для предстоящей постановки. Мы планируем поставить ее ближе к концу года, так что…

– Угу, – промычал Шеннон. Взгляд девушки пробежал по лежащим на его столе стопкам журналов.

– У вас завал? – напрямую спросила она и тут же виновато поморщилась. – Извините, просто… Нам вас рекомендовали, а Челси такая, – девушка многозначительно повела бровями, – будет выбирать тщательно, пока глаза не выпадут. Но, знаете, стоит у нее поучиться – она вообще никогда не ошибется!

– Кто такая Челси?

– Ой, – Герда рассмеялась, – Челси Оллфорд, директор театра и по совместительству его главный режиссер и ведущий художественный руководитель. Вообще, театр в ее собственности, но… – она резко замолкла, – я много болтаю, прошу прощения.

Герда-Делла виновато улыбнулась и поправила лиловый берет. Волнение, кольцами опутавшее Шеннона, постепенно растворялось.

– Я попрошу у секретаря направленный вами запрос, ознакомлюсь с ним, и… – Он сделал задумчивый вид, стараясь не замечать, как сильно потеют ладони. – Думаю, можно назначить встречу для согласования основных деталей статьи. Ведь проект ведете вы, не Челси?

– Боюсь, у Челси нет на это времени, – улыбнулась девушка. – Я, можно сказать, – она вскинула подбородок, словно пыталась рассмотреть ответ на потолке, – вроде как ее правая рука.

– Тогда в следующую нашу встречу… – Шеннон запнулся на полуслове и кашлянул, сделав вид, что прочищает горло. С трудом верилось, что новая встреча может состояться. – …и расскажете, на чем хотите сделать акцент в статье.

– Могу сейчас, – резво перебила его Герда-Делла. – На правду. Акцент на правду.

Губы Шеннона против воли растянулись в легкой улыбке, сердце застучало быстрее, чем следовало, когда ручка, которую он крутил, выскользнула из пальцев.

– Журналистика и правда – вещи редко совместимые, – тихо проговорил он, глядя на озадаченную девушку исподлобья, поднимая ручку осторожно и делая вид, что совсем не взволнован. – А еще важно уточнять, о какой правде вы говорите – о «правде факта» или «правде жизни», потому что между ними часто пролегает огромная пропасть. Я действительно видел то, о чем написал, и слышал то, что процитировал, или я, к примеру, лишь претендую на то, что ваши декорации именно такие, какими описал их? Разве я могу быть уверенным в правильности своих слов?

«Не умничай! – кричал внутренний голос. – Выглядишь как настоящий идиот!»

– Вы меня запутали, – смущенно проговорила Герда-Делла, несколько раз медленно моргнув.

– Я тоже много болтаю, – еще тише добавил Шеннон, не поднимая глаз. Ему хотелось добавить «когда все вокруг слишком быстро меняется или когда волнуюсь так сильно, как сейчас», но в последнюю секунду сдержался. Сердце вновь ускорило темп. – Моя задача – рассказать историю, а те, кто прочитают ее, будут решать сами, верить моим словам или нет. Если вы согласны…

– Мы согласны, мистер Паркс, – просияла девушка. – Это то, что нам нужно: чистое искусство и огонь, история, которую увидят люди сначала на страницах вашего журнала, а после и на сцене.

– Просто Шеннон, пожалуйста, – отозвался парень, собирая силы в кулак и поднимая взгляд. Герда-Делла улыбалась, блеск в ее глазах усилился – словно в них отражались все когда-либо увиденные ею звезды. Оранжевое сияние вокруг ее силуэта не дремало – оно расползлось в стороны так, словно пыталось поглотить весь офис.

Шеннон трясущейся рукой положил перед девушкой ручку и протянул визитку – лишь имя, несколько цифр и логотип издательства – и листок бумаги.

– Здесь мой рабочий номер, – махнул он в сторону карточки. – Можете звонить по любым интересующим вопросам. И напишите, пожалуйста, свой телефон – вдруг при изучении темы у меня появятся вопросы.

Герда-Делла схватилась за ручку.

– Вы не похожи на остальных журналистов, с которыми я общалась, – щебетала она, выводя цифры. – Знаете, вы… – она остановилась и вновь запрокинула голову, подбирая нужное слово, – более творческий, что ли. Словно журналистика для вас не тяжелое бремя, а возможность посмотреть на людей через какую-то особую призму и передать свое виденье миру.

Она протянула Шеннону ручку и листок с номером, а встретив его недоуменный взор, смутилась.

– Я ваши статьи читала, – с легкой улыбкой произнесла она. – Очень захватывающие, даже поэтичные. Вы, случайно, не поэт? Или, может, прозаик?

– Был когда-то, – сдавленно отозвался Шеннон заставляя себя улыбнуться в ответ так, словно шутит и нисколько вопросом не взволнован. – Я позвоню, когда ознакомлюсь с запросом, – добавил он, завершая разговор.

Герда-Делла поняла намек, стремительно вскочила со стула, ловким движением накинула ремешок сумки на плечо, отбросив назад волосы, и протянула поднявшемуся вслед за ней Шеннону руку на прощание.

Дыхание стало прерывистым и стальные кольца вновь стиснули горло. Он знал – его зрачки расширились от ужаса в момент, когда девушка протянула ему ладонь, надеясь на рукопожатие. Он часто заморгал, пытаясь придумать отговорку, но Герда-Делла сделала все за него, отрывисто пожав плечами и натянуто улыбнувшись напоследок.

– Все прозаики немного того, – вдруг сипло кинул Шеннон вдогонку начавшей удаляться девушке словно бы в свое оправдание. Та замерла и обернулась, уголки ее губ поползли вверх.

– Я так и думала, – проговорила она, кивая. – Есть в этом что-то…

– *Поэтичное*? – усмехнулся парень.

– Сумбурная мысль, но мне она почему-то понравилась, – снисходительно откликнулась девушка, напоследок махнув рукой.

Через минуту аура цвета охры скрылась из виду, увлекая свою обладательницу прочь из офиса, где журналист, на которого она надеялась, повел себя как настоящий идиот.

Шеннон упал в рабочее кресло, сполз пониже и спрятал лицо в ладонях.

– Ты дурак, Паркс, – зло прошипел он себе. – Сказочный дурак!

Застрявший в горле ком растворился в легком ознобе, сотрясшем тело. Сердце продолжало отплясывать дьявольский танец в клетке из ребер, пока его хозяин думал, что жизнь впервые преподнесла ему стоящий подарок. Подарок, который не принять, упустить или потерять было бы настоящим свинством.

* * *

Он заставил себя замедлить шаг, еще чуть-чуть – и сорвется с места, а прогулка превратится в очередную попытку убежать от мыслей.

Однажды он уже убегал от мыслей и из дома, пока Катарин спала, прощался со спящим Камероном, заглядывая в темные окна его комнаты: он не собирался возвращаться обратно и думал, что дорога вперед – совсем не важно куда – заглушит боль и беснующиеся в сознании думы. Шеннон не думал, что вернется через трое суток, разревется, уткнувшись носом в плечо тети, которая поймет, погладит его по спине и напоит горячим чаем с молоком, прежде чем шутливо отвесить подзатыльник и отправить в кровать.

Точно так же однажды в полночь он покупал билеты на ближайший рейс в Стамбул, намереваясь спрятаться среди тесных улочек и возвратить городу всю причиненную за много лет боль.

Шеннону казалось, что в городе, где на него опустилось проклятье, все обязательно должно закончиться в итоге, но Стамбул его боль отверг так же, как отвергали другие.

Все, кроме Камерона, который поднимал его с пола и поил ледяным пивом в три часа ночи. Все, кроме Лейлы Эллингтон и Кайла, которые звали его на вечерний чай и устраивали мозговой штурм, помогая вытащить на поверхность ответы, спрятанные в глубине его сознания. Все, кроме Катарин, с которой мысленно говорил до сих пор, понимая, что та не отзовется.

Шеннон шел быстро, тянул тлеющую сигарету, которая не хотела догорать, стряхивал под ноги пепел, вслушиваясь в крутящуюся на повторе песню в наушниках, слова которой давно перестал понимать. Смятая, кажущаяся бесконечной пачка сигарет и зажигалка, колесиком которой он играл, пытаясь задушить тревогу, – только они и тишина были его постоянными ночными спутниками, прячущимися в карманах днем.

Он не мог избавиться от этой привычки так же, как не мог перестать летать по городу, когда темнота прибирала людей к рукам и дарила им сны.

Шеннон одернул себя, сбавил темп и пошел размеренно, вспоминая образ Герды-Деллы, словно прибитый гвоздями к черепу изнутри. Ему казалось, что кто-то наверху, попивающий пунш в небесных покоях, поиздевался над ним: подарил ему маленькое чудо – ту самую Герду-Деллу – которое в одночасье стало еще большим проклятьем.

Он уже рассказывал о своей «болезни», и не раз. Камерон его не понял, Катарин высмеяла, а мать… Она просто не поверила, чем опустошила его окончательно. Станет ли девушка с желто-оранжевой аурой исключением? Вряд ли.

И вновь, по привычке обращаясь к Катарин, он говорил сам с собой, поглядывая на темно-синее полотно неба над головой и зная, что тетя, которая, несмотря ни на что, поняла бы его, уже никогда его не услышит.

«Я снова на перепутье. И знаешь, так же как в день, когда сбежал, чувствую себя сухой, раскаленной пустыней. Во мне больше ничего не найти, песок и только. Тот самый, в котором утонули грезы девятилетнего мальчика, что верил, будто мечтать хорошо.

Я продолжаю лишь *думать*, как найти выход, *не пытаясь* этот самый выход искать. Я стал героем собственного романа, героем, который ждет помощи, но, скорее всего, никогда не отважится ее попросить.

Кажется, мне тут комфортно. Комфортно в этих зыбучих песках, которые поглотили чувства.

Почему я превратился в того, в кого превращаться никогда не хотел, Катарин?..»

Никто не ответил так же, как и всегда, но Шеннон и не ждал ответа – он лишь надеялся, что его слова дойдут до той, с кем ему наконец удалось поговорить днем в шумном офисе.

Его жажда спасения приобрела лик худшей версии его самого – поникшего юнца, который молчаливо наблюдал за жизнью, оценивающе вглядывался в лица снующих мимо людей и ждал, что кто-то откликнется на его мольбу, которую он никогда не произнесет.

Он хотел сойти со своего пьедестала, убежав туда, где чужие прикосновения до него не дотянутся, и в то же время жаждал остаться там, все еще надеясь отыскать человека, который поведает правду о спущенном на него предназначении.

– И что мы будем делать, если предназначения нет? – спросил Шеннон себя вслух, грустно усмехаясь. – Что мы будем делать, если это все – чужие мечты, жуткие видения, кошмары, от которых не спится – просто так?

Внутренние парадоксы-мысли монотонно шумели в глубине черепной коробки, пока Шеннон консультировал клиентов перед написанием новой статьи, пока болтал с Лейлой по телефону, слушая заливистый лай Шона на фоне, или бездумно пил свой латте в полупустом кафе. И все это время, где бы он ни был, Шеннон занимал самый дальний столик и вжимался в стену – подальше от случайных прикосновений проходящих мимо посетителей.

Все это было похоже на пучину, на вязкое болото – тягостная стабильность засасывала Шеннона. А сил хоть что-нибудь вокруг себя изменить он не находил.

Шеннон ускорил шаг вновь, потряхивая головой, на лету закидывая в ближайшую урну прогоревший до фильтра окурок.

Закрытый, погруженный во мрак книжный магазин, мимо которого он чуть не пролетел, заставил его остановиться. Парень замер, всматриваясь в обложки разложенных на ближних полках новинок, на которые падали отблески слабой, тусклой витринной подсветки, включенной даже в такой поздний час. Он вгляделся в недра темного магазина, пробежался взором по еле различимым корешкам книг, расставленных на таких же еле различимых полках, и поджал губы.

Не стоило ему останавливаться здесь, не стоило бередить старую рану.

Шеннон резко сорвался с места, шагая быстрее, чем следовало бы, и уже не спрашивая себя, что гонит его по улице.

Он все обещал себе, что однажды его книга будет стоять здесь, на подсвеченной стеклянной витрине, заставляя прохожих остановиться перед пестрой обложкой с интригующим названием… Но на деле сесть за работу так и не решился – годы текли стремительно, а он не продвинулся ни на шаг. Его персонажи больше не обрастали подробностями, замирали смазанными образами на недописанных страницах, задавая немой вопрос, кто они такие на самом деле. А потом с упреком глядели на Шеннона, прячась в строчках.

«Вы – моя надежда», – отвечал он им, не веря самому себе.

Смятые, как черновики, обрывки мыслей возвышались горкой в спрятанной в сознании урне – их уже невозможно было расправить, невозможно было переписать.

Шеннон дернулся и замер, почувствовав, как резко закололо под ребрами. Поток мыслей оборвался, умные часы на руке завибрировали, предлагая сменить программу тренировки на «бег», пока его дрожащие от напряжения пальцы сжимали бок. На нем под футболкой прятался наколотый годы назад черный глаз, который огибал полумесяц с расходящимися в стороны блеклыми сполохами.

Мастер, которому Шеннон предложил эскиз, тогда задумчиво взглянул на него и выдал нечто очень остроумное про символизм, а закончив работу, усмехнулся и подмигнул, сказав, что теперь парень видит истину. В ответ Шеннон лишь удрученно промолчал.

Он стоял посреди темной улицы, согнувшись, опершись ладонями о колени и пытаясь отдышаться. Под закрытыми веками нарисовалась картинка, которую Шеннон упорно пытался прогнать: пришедший из театра почти неделю назад запрос Челси Оллфорд о написании обзорной статьи декораций. Именно его вложили юноше в руку утром и именно этот сложенный вдвое маленький листок теперь занимал все мысли.

Шеннон выпустил воздух через сложенные трубочкой губы и разогнулся.

– Да к черту! – воскликнул он, разворачиваясь на пятках и устремляясь обратно, больше не наворачивая круги по району в попытке растянуть мгновение одиночества.

Листок с запросом Челси Оллфорд, сейчас покоящийся на его кухонном столе, будь он человеком, вероятно похлопал бы ему и широко улыбнулся.

Пришла пора браться за работу.

Камерон был прав – Шеннон заблудился в сумрачном лесу, погряз в его смоге и стал главным героем туманной долины, из которой теперь принял решение выбраться.

Желто-оранжевая аура стала видением, мелькая в окнах домов, прячась за деревьями, следуя за каждым его шагом, и напоминала о мысли, которая не могла полностью оформиться: в той девушке была истина о его проклятье, в ней был ключ к свободе и покою.

Он хотел, чтобы обладательница яркого желтого свечения его спасла.

Сейчас единственной дорогой к ней была обзорная статья театральных декораций, и Шеннон знал: чем скорее он примется за нее, тем скорее станет ближе к девушке.

– Кажется, я иду к тебе, Герда, – прошептал он в ночи, спеша сесть за работу.

Глава 5

В момент, когда девушка подняла трубку после трех коротких гудков, в дом Шеннона ввалился Камерон, на ходу что-то бормоча и подгибая штанину испачканного краской старого джинсового комбинезона.

– Алло? – Мягкий голос зазвучал с той стороны невидимого провода, обрывая Камерона, который открыл рот, чтобы поздороваться. Его глаза округлились, уголки губ поползли вверх.

– Делла Хармон? – хрипло уточнил Шеннон, прячась от настойчивого взора друга, который тут же подошел ближе, пытаясь расслышать как можно больше.

– Мне не показалось? – горячо зашептал Камерон почти в самую трубку. – Это что, девчонка?

Шеннон оттолкнул его, выпутываясь из цепких пальцев, которые хватали его за футболку, игнорируя липнущее к нему пурпурное свечение, исходящее от силуэта друга. Голова привычно закружилась, но чужая мечта сегодня не стала так уж сильно давить на него своим весом.

– Да-да, верно, – щебетала девушка. – Это вы, мистер Паркс?

– Просто Шеннон, пожалуйста, – поправил он, морщась и усмехаясь одновременно. – Я ознакомился с запросом. Мне стоит обсудить с вами больше деталей. Я понял, что мне не хватает материала. Вернее, хватает, но… – он замолчал, зло посмотрев на крутящегося вокруг Камерона, – но для нужной вам *правдивой* статьи изложенного Челси Оллфорд будет недостаточно.

– О, вы хотите, чтобы я организовала встречу с Челси? – с нотками разочарования уточнила Герда-Делла.

Шеннон тяжело сглотнул.

– Нет, я хочу, чтобы вы организовали нашу с вами встречу, – поправил он, надеясь, что его слова не прозвучат неоднозначно.

Молчание Герды-Деллы затянулось. Камерон присел на край стола, ногой отбивая ритм и выжидающе глядя на друга.

– Завтра будет репетиция в театре, – коротко отозвалась она наконец. – В полдень я должна закончить.

– Я подойду, – так же лаконично ответил Шеннон, улыбаясь носкам своих ботинок.

– Спасибо, что согласились, мистер Паркс. – Голос Герды-Деллы потеплел, и парню показалось, что он вновь увидел ее улыбку. – Для меня, честно говоря, ваш ответ куда важнее, чем для Челси.

– Вы предвзяты?

– Это театр, – звонко рассмеялась девушка. – Я всегда буду предвзята.

Она попрощалась быстрым «до встречи», Шеннон сбросил звонок и поджал губы, зная, что его довольное выражение лица Камерон истолкует на свой манер.

– Человек живет страстями… – пафосно пропел тот, подтвердив догадку друга, который с плохо наигранным раздражением сложил руки на груди.

Камерон же только расхохотался, схватил из вазы яблоко и кинул Шеннону, который, поймав его, зажал в поднятой руке.

– Свидание?

– Деловая встреча, – парировал юноша, бросая яблоко другу. Камерон схватил его и недоверчиво прищурился.

– Все мы так говорим.

Яблоко полетело обратно к Шеннону, тот вновь его перехватил.

– Не суди по себе.

Старая детская игра, которая не забылась и сейчас.

– Когда вернешься, расскажешь мне, как прошло, понял?

– И не подумаю, – отмахнулся Шеннон, возвращаясь к столу и собирая с него бумаги. – Чего нагрянул?

– Чтобы стать твоей совестью. Ты помнишь, что обещал написать статью о моей мазне?

– Не напишу, пока не перестанешь называть ее мазней, – покачал он головой. – У тебя краска на щеке.

– Мазня не заслуживает называться искусством, дорогой мой, – невесело рассмеялся Камерон, кончиками пальцев выуживая из кармана потертого комбинезона электронную сигарету, такую же ярко-желтую, как уже забрызганная разноцветными каплями футболка.

– Эй, – Шеннон отложил бумаги и развернулся к другу, который выпускал клубы дыма, игнорируя его недовольный взгляд, – если бы ты и вправду считал свои картины мазней, то давно перестал бы рисовать и не просил меня рассказать о них людям.

– Так же, как ты однажды перестал писать? – Камерон вскинул светлую бровь, не подавая вида, что смутился, когда Шеннон еле заметно вздрогнул. – Когда мы были совсем зелеными, ты обещал, что я стану твоим литературным агентом, – продолжал он с наигранной обидой, пытаясь сгладить угол, на который сам же натолкнул Шеннона – прозаика, в один день переставшего писать.

– Вспомни обложку.

– Обложка была хороша, да… – мечтательно протянул Камерон. – Вот бы еще одну нарисовать.

– Я выбил тебе место в недельном выпуске, – похолодевшим тоном проговорил Шеннон. – Показал твои картины девчонкам из отдела, им понравились. Говорят, чувствуется стремление к воскрешению значимости женской проблематики.

– Ты показал мою мазню девицам, которые возомнили себя феминистками, потому что почитали на досуге «Рассказ служанки»?

– Во-первых, они не феминистки. Во-вторых, ты сам-то его читал? – Шеннон скривился и отвернулся, вернувшись к бумагам.

– Сериал смотрел, – отмахнулся Камерон. – Суть ведь одна!

– Парень! – от негодования всплеснул руками Шеннон. – Недельный выпуск!

– Да понял я, понял! Спасибо. Нет, правда спасибо, – уже мягче отозвался Камерон в ответ на тихое хмыканье друга. – Если не подаю виду, не значит, что для меня это не важно.

Шеннон не ответил, зная, что эта рыжеволосая бестия с пурпурной аурой – присущей властной и импульсивной мечте – уйдет через минуту, когда дешевый мобильник в его кармане начнет сотрясаться от будильника, возвещая об окончании перерыва. Тогда его хозяин вернется к залитому маслом холсту.

Шеннон солгал. Картины Камерона не произвели фурор, а место на семнадцатой странице, до которой редко кто добирался, он вымаливал почти полтора месяца, уверяя, что журналу стоит больше внимания уделять искусству и самоопределению, к которому то подталкивает. Он солгал, потому что считал себя хорошим другом и верил: однажды они с этим заляпанным краской парнем смогут найти тех, кто взглянет на их «мазню» как на нечто, что отзывается в сердце и метко бьет в самую душу.

Запрос Челси Оллфорд дрожал в трясущихся руках Шеннона, пока он мысленно просил у Камерона прощения – с его статьей придется подождать, потому что впервые в жизни окруживший его туман разбивали ярко-оранжевые лучи, исходившие от девушки, которая носила вельвет и звонко смеялась.

Он улыбнулся. Завтра в полдень.

* * *

Шеннон опустился в обитое бордовым велюром кресло, откидываясь на показавшуюся слишком прямой спинку. Он пришел раньше, чем нужно, ступил в полутьму зала, где стал единственным зрителем, и поднялся наверх, туда, где тень скроет его наполнившийся надеждой взгляд, – его не покидали искорки нелепого детского волнения.

Актер, сжимавший в руках меч, читал отрывок текста, уверенной поступью расхаживая по сцене, то возводя руки к небу, то обращаясь к пустому зрительному залу, изредка срываясь на воодушевляющий крик, сменяющийся хриплым, тихим шепотом, от которого по коже бежали мурашки.

Шеннон улыбнулся и подался вперед. Актер читал «Улисса» Теннисона, но вовсе не так, как читают в поэтических кружках – так, как можно читать только на сцене, только в мелькающей за спиной алой мантии. Такая же алая аура его мечты – аура страсти и полярностей, жаркой любви и внутреннего опаляющего огня – огибала волевой подбородок и проникала наружу через поры кожи.

– Пожалуйста, Гай, давай еще раз. Мне не хватает, я не верю, – всплеснула руками девушка, выскочившая на сцену из тени закулисья. – Постарайся не играть – проживать. Больше настоящего духа! Позволь ему тебя вести! Хотя кто я такая, чтобы тебя судить, – словно бы опомнилась она.

– Нет проблем, мисс Хармон, – засмеялся актер, прокрутив в руке меч, откинув с лица длинную темную прямую челку. – Еще раз – так еще раз.

Шеннон улыбнулся шире.

Повязанный на ее шее шелковый шарф – того же цвета, что и вельветовые брюки, – развевался, когда девушка бегала между декорациями, поправляя их; когда вскидывала руку с поднятым вверх большим пальцем и ободряюще улыбалась актеру в алом плаще; когда ныряла за театральный занавес, стискивая в пальцах блокнот, по страницам которого вела ручкой.

– Я знаю, ты отмечаешь правки, Герда-Делла, – прошептал Шеннон, наблюдая, как скрывается за кулисами желто-оранжевое свечение.

Он вдруг спросил того, спрятавшегося глубоко внутри парня, почему чувствует себя таким окрыленным сейчас, сидя в темном зале, а пришедший в голову ответ смутил и напугал, сдавив ребра.

Начавшее подниматься волнение заглушил тот самый актер, что спрятал меч в кожаные ножны на поясе и вдруг заговорил совсем иначе, по-настоящему, живо.

Шеннон сел на край сиденья, всматриваясь в озаренное силой и верой лицо.

Быть может, пропасть моря нас проглотит,
Быть может, к Островам дойдем Счастливым,
Увидим там великого Ахилла,
Которого мы знали. Многих нет,
Но многие доныне пребывают.
И нет в нас прежней силы давних дней,
Что колебала над землей и небо,
Но мы есть мы. Закал сердец бесстрашных,
Ослабленных и временем, и роком,
Но сильных неослабленною волей
Искать, найти, дерзать, не уступать![3]

[3] Альфред Теннисон «Улисс».

Герда-Делла выскочила из-за занавеса, вышедшая вслед за ней группа актеров ободряюще захлопала.

– Да! Это оно! – рассмеялась девушка, откидывая волосы с лица.

– Чуть меньше пыла? – спросил Гай, отстегивая алый плащ.

– В прошлый раз немного переиграл, – кивнула Делла. – Справился отлично! Горжусь!

Актер довольно покачал головой и поманил за собой наблюдающих из-за кулис коллег.

– Перерыв заслужил?

– Иди уже, нетерпеливый!

«Искать, найти, дерзать, не уступать!» – повторил Шеннон мысленно, наблюдая за Гердой-Деллой, которая тем временем позвала на сцену хрупкую девушку. «Искать» и «найти» ему уже удалось, дело оставалось за малым.

Он дернулся, придя в себя, и сел глубже в кресло, когда краем глаза заметил чей-то силуэт справа. Пришлось поспешно обернуться.

– Не дай бог я ошиблась, но мне кажется, что вы очарованы совсем не «Улиссом», а ею, – разрушая его скупую идиллию, проговорила женщина, окруженная бледной мерцающей аурой. Она подошла совсем неслышно и одним своим образом поселила догадки о том, кем является.

– Почему вы так решили? – приняв оборону, спросил Шеннон, но тут же смягчился, быстро сдаваясь. С ней бой вести было бесполезно – расколет быстро. – Вернее, как вы догадались?

В коротко стриженных черных волосах в свете прожектора, под который женщина на мгновение попала, блеснула седина. Красный бейдж на ее груди наклонился вперед, когда она решила опуститься на соседнее место, и Шеннон пробежался взглядом по имени, оказавшемуся совсем близко к его носу.

– Я живу театром, мистер Паркс, – уголками губ улыбнулась Челси Оллфорд, не поворачивая головы. – Я научилась различать невидимые блики в глазах людей.

Она закинула ногу на ногу, положила руки на подлокотники слишком просторного для небольшого театра кресла и, прищурившись, всмотрелась в происходящее на сцене, звуки которой вдруг оградил невидимый барьер.

Шеннон чувствовал исходивший от ее сине-серого свечения, оттенявшего яркие голубые глаза, холод – тот лизал его кожу, обволакивал запястья.

Он читал об этой женщине в Сети, найдя тексты, внимательно всматривался в строчки, которые годы назад писали его коллеги, но не думал, что с ледяной проницательностью придется столкнуться так скоро.

Рассказывающие о Челси Оллфорд не советовали ей лгать, просили от нее не прятаться – она обладала редкой способностью извлекать на поверхность все, что от нее пытались скрыть.

– Вы хотели поговорить о статье? – предположил Шеннон, стараясь не разглядывать бледную ауру, в которой изредка мелькали прожилки лазури.

– Я хотела помолчать о Делле Хармон, – многозначительно заметила Челси, чуть дернув плечом, словно сказанное было очевидным. – Если вы не против.

Шеннон кивнул и обернулся к стоящей на краю сцены девушке. Герда-Делла остановила дочитавшую свой отрывок актрису и активно жестикулировала, указывая на корабельный штурвал за ее спиной.

– Странно, да? – Челси выгнула бровь, не отрывая взгляда от Деллы. – Сейчас она помощник режиссера, чуть позже шепнет что-нибудь интересное художнику-постановщику, а потом в бок толкнет художника по костюмам и расскажет, что взбрело ей в голову. И ведь каждую ее идею вся творческая группа примет с ликованием. Не знаю, почему позволяю ей что-то решать. – Челси еле заметно усмехнулась. – Но знаю, что театр и все его «жители» приняли ее с распростертыми объятиями.

Шеннону показалось, что Делла Хармон была ее единственной слабостью.

– Она кажется очень легкой, – внезапно для самого себя вслух проговорил парень, всматриваясь в играющие оранжевые сполохи, которые задевали лицо стоящей рядом с Гердой-Деллой девушки, передавая той ее запал.

– Она легка, – медленно кивнула Челси, прищурившись. – Согласны ли вы, что за каждой легкой душой прячется своя трагичная история?

– Она не стала исключением? – с сожалением спросил Шеннон женщину, которая так и не повернула к нему головы.

– Никто не становится исключением. Сложно сохранить легкость постоянно, когда груз прошлого давит на плечи, мистер Паркс. Хотя, – Челси повела рукой и печально усмехнулась, – уж кому, но точно не *вам* это объяснять.

Прошедшая по его телу волна дрожи кольнула поясницу, замерла там, сжавшись в ком, давила на позвоночник.

– Вы словно меня предупреждаете… – протянул Шеннон, ерзая в кресле.

– То, что сначала видится вам совершенно простым и понятным, редко оказывается таковым на деле, – игнорируя неуверенное предположение собеседника, продолжила Челси. – За ее наивностью и взбалмошностью прячется тихая, несвойственная ее годам мудрость и сила, которой я, откровенно говоря, прошедшая пламя, могу лишь позавидовать. Вам не стоит недооценивать Деллу Хармон, мистер Паркс. Она очень сильная.

– Говорите так, будто она ваша дочь.

– Она стала ею за эти три года, – кивнула Челси. – Я многое ей доверила. Вы тоже можете.

– Могу… доверить? – непонимающе переспросил Шеннон.

– Делла зачитывалась вашими статьями последние недели. – Женщина пропустила вопрос мимо ушей. – Они убедили ее, а она убедила меня. Я доверилась ей, а она доверилась вам, так что постарайтесь ее не подвести.

«Она зачитывалась моими статьями? – громко спрашивал внутри восторженный голос мальчишки. – Она? Та самая Герда?».

– Не подведу.

Челси так ни разу и не повернулась в его сторону, не взглянула ему в глаза. Она будто разделилась на двух женщин: одна делала собеседнику многозначительные намеки, а вторая пристально, чуть склонив голову набок, изучающе оглядывала сцену, на которой репетиция подходила к концу.

– Нет, та дверь все-таки никуда не годится… – задумчиво пробормотала она, качнула головой и вновь вернулась к разговору с Шенноном. – Не отнимайте у нее мечту, мистер Паркс, и позвольте ей быть ребенком.

Шеннона пробил озноб. Внутри росла дрожь такой силы, которая, казалось, была способна раздробить его кости – юноше казалось, будто кто-то включил в центре его тела острый бур.

«О чем вы говорите? – хотелось спросить ему. – Как я вообще могу отнять у нее что-то или не позволить?»

– Ведь мы только там свободны – в своих мечтах, – едва заметно улыбнулась Челси, совсем запутав Шеннона.

– Считаете, жизнь – болезнь, а мечта – спасительная пилюля? – предположил он, тяжело сглатывая.

– Нет, это вы так считаете, – отозвалась Челси, поднимаясь с места. Увесистые серебряные браслеты на ее тонких запястьях зазвенели. – И это о многом говорит.

– О многом хорошем? – с надеждой, которую не спрячешь, бросил Шеннон мучивший его вопрос. Парень завернул его в обертку усмешки, попытался задать с притворным весельем, в глубине души понимая, что эту женщину провести не сможет.

Он и вправду считал мечты спасением? В его-то положении?

– На это вам ответит Делла Хармон.

* * *

Он смотрел в свои собственные глаза – светло-карие и уставшие.

Зеркало, только что начищенное до блеска, казалось, пыталось отразить всю его душу, но Шеннон не позволял. Он заметил, как непроизвольно улыбнулся, на мгновение вспомнив дневную прогулку по театру с Деллой.

– Теннисон убил бы нас, если бы узнал, как безбожно мы покромсали беднягу «Улисса», – звонко рассмеялась она тогда, так заразительно, что он и сам невольно усмехнулся. – На самом деле, я даже чувствую себя виноватой – ведь это я предложила его поставить!

– Стих совсем короткий, – пожал плечами Шеннон, открывая перед Деллой дверь и пропуская ее вперед.

Он вспомнил, как пришлось отодвинуться, когда она чуть не задела его плечом, как привычно сжались пальцы и напряглись ноги, пытающиеся удержать его.

– Знаю, но мы придумали совсем новую историю, в которую вплели строчки «Улисса», и, кажется, нам пришлось исказить ту суть стиха, о которой говорят литературные разборы. Сколько же мы их проштудировали, вы бы знали! – Делла скривила лицо и тут же смутилась. – Честно признаться, я терпеть их не могу, хотя вы, – поторопилась исправиться она, виновато вскидывая руки, – совсем другая история! Я бы каждую строчку ваших статей разобрала, не будь столь ленива.

– О, я не история, – попытался пошутить Шеннон, усиленно игнорируя последнюю фразу.

«И что ты в них нашла, Герда?» – хотелось спросить ему.

– Каждый из нас – история. Каждый из нас – книга в своем особенном переплете. Неужели не согласны? – Делла, убежавшая по коридору вперед, на ходу обернулась и подтянула лямку вельветовой, в цвет брюк, сумки.

– С вами сложно не согласиться, – улыбаясь, отозвался Шеннон, опуская голову, не решаясь столкнуться с серыми, наполненными детским восторгом глазами.

– Вот и славно, – рассмеялась девушка. – Я прочитала «Улисса» еще в школе, мистер Паркс. Он тогда мне так сильно в душу запал, и я даже расстроилась, что его не ставят на сцене.

– Возможно, потому что и ставить нечего, – предположил Шеннон. – Я имею в виду, он не укладывается в каноны театральных постановок.

– Да, по масштабам он не подходит, – кивнула Делла, двигаясь по коридору спиной вперед, – и именно поэтому мы решили его немного…

– Преобразить? – с усмешкой подсказал он.

– Что-то в этом роде, да. Монолог о человеческой воле, мистер Паркс. О воле, которая преодолевает смерть даже на пути к концу, о воле, которая горит, которая живет! Он не мирится с угасанием, не приемлет бездействие – в конце земного бытия он продолжает идти по вымощенной тропе. – Девушка остановилась и мягко улыбнулась. – Мы хотели вдохновить людей, создав историю о страннике, который заблудился, но, познакомившись с «Улиссом», нашел дорогу. Она ведь о каждом из нас.

Шеннон вздрогнул, оторвал взгляд от своего отражения в зеркале. Воспоминание рассеялось, дымка растворилась за его спиной.

Он помнил, как замер посреди коридора, который вдруг заполнили актеры; помнил, как долго вглядывался в серые глаза напротив, изучающе, с нотками смущения глядящие на него в ответ; как побежали по затылку, устремляясь под футболку, мелкие мурашки и как защипало в глазах от слов, которые проговорила ровным тоном девушка в вельвете.

«История о страннике, который заблудился…»

– Я слышал, Теннисон черпал вдохновение для «Улисса» в «Божественной комедии» Данте, – сбивчиво проговорил тогда Шеннон. Делла просияла и резво закивала, подтверждая его слова.

– Вы читали? – с надеждой спросила она, глядя на него чуть снизу вверх.

– Читал. Она откликается.

– Она откликается в по-настоящему живых, – подмигнула девушка и поспешила дальше по коридору, не замечая, что Шеннон еще несколько мгновений стоял на месте, не решаясь двинуться за ней.

«Нет, Делла, – думал он сейчас, прячась от своего ненавистного отражения, – тут ты ошиблась. Она откликается в тех, кто очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины…»

Лейла Эллингтон, у которой он хотел попросить совета, не ответила на звонок.

Через отражение в зеркале Шеннон всматривался в наколотый на нижних ребрах раскрытый глаз, который словно всегда неустанно следил за ним.

Видел ли он что-то недоступное его обладателю? Знал ли, что ждет того впереди?

– Что тебе нужно от Деллы Хармон, засранец? – спросил он себя, вскидывая голову, пристально всматриваясь в отражение: в острые скулы и впавшие от недоедания щеки. – Чего ты хочешь от нее, а?

Шеннон не знал точного ответа на этот вопрос, но где-то внутри росла уверенность: не случайно однажды на заполоненной разноцветными людьми улице Реверипорта перед его глазами возникла эта желто-оранжевая аура, и не просто так их свел театр, обратившийся за помощью к местному издательству.

Шеннон жаждал быть понятым хоть кем-то, а еще больше чувствовал вину. Вину жертвы, которая вынуждает своего спасителя вызволять ее из беды, рискуя своей жизнью.

Он думал, что не имел права втягивать Деллу Хармон в свою личную внутреннюю войну, не имел права называть ее Гердой и надеяться на силу ее ярко-оранжевой ауры, столь притягательной своей неисследованностью. Но в мгновение, когда сожаление и горькая вина опускались на него льдом, Шеннон вспоминал день, когда Герда вошла в издательство и попросила его написать правдивую статью: говорила, сбиваясь с мысли, и звонко смеялась собственной нелепости.

Она пришла сама. Пришла, потому что, наверное, так захотел кто-то наверху, тот самый задиристый кукловод, который ничего не упускал из виду.

Противоречие тянуло за собой противоречие, порождая очередное внутреннее сопротивление, в котором он тонул, а перед глазами так же, как после первой встречи, стояли желто-оранжевое свечение и счастливая улыбка, обладательница которой напевала себе под нос мелодию, вторя той, что лилась из наушников.

Они договорились о новой встрече через пару дней – Шеннон не удержался от приглашения выпить кофе под предлогом очередного обсуждения статьи.

– Хочу узнать ваше видение, – проговорил он сбивчиво в театре, пряча глаза от той, что внимательно его рассматривала без тени стеснения. – Я ведь, даже разобрав декорации на составные части, не смогу рассмотреть то, что доступно вам.

Делла тогда просияла и согласно закивала в ответ…

* * *

Телефон на полке завибрировал. Шеннон не глядя ответил на звонок, и голос Лейлы вернул его в действительность.

– Была на операции. Что-то срочное?

– Нужен мозговой штурм, – сдавленно отозвался парень, опуская голову, пальцами сильнее стискивая бортик раковины. Таймер разговора на телефоне считал секунды, пока подруга молча ждала короткого запутанного объяснения и готовилась задать в ответ сотню вопросов в попытке помочь.

«Мозговой штурм». Их кодовая фраза.

– Кажется, я влюбился, – почти неслышно прошептал он, но Лейла услышала.

– Хорошо, – протяжно выдохнула она. – Поздравлять не буду, по голосу слышу – что-то не так.

– Угадала. Я… – он замялся, устало застонал, запуская пальцы в кудрявые волосы, – не уверен. Не понимаю, что это – жажда быть спасенным или влюбленность.

Лейла не стала спрашивать, от чего его нужно спасать, – она всегда знала, куда лучше не соваться.

– Почему решил, что влюбленность?

Мозговой штурм начался. Шеннон чуть улыбнулся – он обожал их многолетнюю игру, правила которой оба поняли еще в первую секунду: скажи вслух и все поймешь.

– Думаю о ней постоянно.

– Так может, это одержимость?

– Не похоже. По пятам за ней не хожу, хотя встречи жду, не названиваю ночами и не пытаюсь выяснить ее адрес, хотя могу.

– Но одержимость не только так проявляется, Шеннон… Если все твои мысли отданы ей, если чувствуешь себя зависимым от нее, стоит задуматься. – Лейла выдержала многозначительную паузу. – Ладно, я еще верю, что ты у нас парень вполне адекватный, – хохотнула она, – так что давай предположим, что это одержимость не ей самой, а тем, что она может тебе дать?

– И чем же?

– Как ты сказал в начале?.. – Женщина задумалась. – Спасение? Быть может, это одержимость возможностью спасения?

– Скажу так: в ней есть что-то, что я ни разу не видел раньше, то, что, возможно, укажет мне на истинный путь… – Шеннон всплеснул руками и отвернулся от зеркала, в отражении которого на мгновение столкнулся со своим загнанным отражением. – Господи, как же глупо это звучит!

– Эй-эй, приятель, – остановила друга Лейла, – помнишь первое правило мозгового штурма?

– Не обращать внимания на дурость, даже если она очевидна, – тихо отозвался тот.

– Вот именно! То, что кажется глупостью сейчас, может быть куда более важным, чем самые заумные выводы – осталось только рассмотреть. Итак, вернемся к спасению.

– Она может меня спасти.

– Не кажется тебе, что ты используешь ее в своих целях? Она не якорь, Шеннон, а живой человек. – В голосе Лейлы послышались нотки упрека.

– Сам думал об этом буквально перед твоим звонком, но… она сама пришла, понимаешь? Я подумал о ней, и она пришла.

– Притянул ее своей жаждой быть спасенным?

– Да.

– Тогда, выходит, она спаситель?

– Если так, мы друг друга стоим.

Лейла замолчала, шумно выдохнула в трубку, после начала говорить вновь, медленно подбирая слова.

– Ты знаешь, я редко таким грешу, но сейчас дам тебе непрошеный совет, потому что слышу, как ты растерян и напуган. Я чувствую в твоем голосе страх, Шеннон.

– Он там есть, – шепнул парень.

– Если вдруг впервые за долгое время ты чувствуешь радость или воодушевление, отдайся им, отринув сомнения. Жизнь не уравнение, которое можно записать и решить, она поток, стремительный и иногда беспощадный, но ты далеко не песчинка, которая не может противиться. Ты такая же волна, буйная и могучая. Позволь каждому своему чувству наполнить тебя силой. И пусть они ведут тебя. Пусть ведут туда, куда сейчас нужно идти. А еще позволь той, кого обсуждали сегодня, сделать свой выбор. Не тяни ее за собой, не пытайся поймать за рукав удачу, как бы ее ни звали, не пытайся ухватиться за нее как за спасательный круг. Просто цени, что она появилась в твоей жизни, и позволь ей решать, спасать тебя или позволить разобраться с проблемами самому. И если она выберет второе, не суди.

– А я ведь просто пишу статью по ее заказу, – рассмеялся Шеннон, качая головой. Он осел на пол, прижался к бортику ванны спиной и нервно покусывал нижнюю губу.

– А я просто пришла вести курсы повышения квалификации, дорогой, – усмехнулась Лейла. – Мы никогда не знаем, где найдем того единственного человека, в котором разглядим частичку нас самих. Но это обязательно произойдет. Быть может, не сейчас, не в этот раз, но произойдет несомненно…

– Спасибо, Лейла, – тихо отозвался Шеннон, когда на заднем фоне послышались окрики Кайла и лай. – Тебе пора.

– Звони, я буду рядом, – проговорила на прощание подруга, кладя трубку.

– Знаю.

Она никогда не ошибалась – так бывает, когда ты честен с собой, с другими, с жизнью, которую не пытаешься понять, которую просто проживаешь. Лейле повезло не пытаться найти смысл там, где он не должен быть найден, потому что она понимала – если этот смысл будет найден, жить станет неинтересно и тут же испортится вкус, словно ты заранее знаешь секретный ингредиент фокуса, который должен был впечатлить.

Лейла Эллингтон верила, что секретный ингредиент, добавляющий жизни непревзойденного вкуса, есть, поэтому жила легко, не оборачиваясь на скользящую за спиной тень подозрения, не мучаясь в попытках познать непостижимое.

А Шеннон Паркс этому так и не научился.

Глава 6

Шеннон, конечно, не поверил, что та самая кофейня, в которую он заходил каждый день перед закрытием, оказалась одним из любимых мест Деллы Хармон.

Она, смеясь и запинаясь о невысокие ступеньки, заскочила под полукруглый купол крыши, повисла на ручке двери, пытаясь отдышаться, а после перекинула намокшие волосы на одно плечо, стянула с макушки берет и выжала в стоящую рядом клумбу. Шеннон расхохотался, забывшись, а встретив озорной взгляд девушки, тут же по привычке напустил на себя озабоченный вид и принялся усердно складывать зонтик, который разбушевавшийся ветер вывернул наизнанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.